

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 84–90.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2026; 1 (90):84–90.

Научная статья
УДК 821.161.1-3.09«18»
DOI 10.37724/RSU.2026.90.1.008

М. Е. Салтыкову-Щедрину — 200 лет. Историко-литературные и лингвистические реминисценции

Олег Викторович Никитин

Государственный университет просвещения, Москва, Россия
olnikitin@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена осмыслению личности выдающегося русского писателя М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) в контексте историко-культурной и филологической традиции. Подчеркивается неоднозначное отношение общества и критиков к оценке его произведений, имеющих до сих пор большой резонанс. Отмечается, что персонажи Салтыкова-Щедрина стали олицетворением негативных явлений. Безжалостная сатира, мастерство изображения психологии личности героя, особая эстетика слова, великолепное знание административной номенклатуры и ее языка позволили писателю создать литературные шедевры, перешагнувшие его время. Историко-литературные и лингвистические реминисценции затрагивают проблему “pro et contra” в творчестве Салтыкова-Щедрина и позволяют с новых позиций интерпретировать спорные проблемы восприятия художественного дарования писателя и его неповторимой «эзоповой» манеры изображения действительности. В работе используются как классические труды и мемуары о Салтыкове-Щедрине (Н. В. Успенский, И. И. Ясинский, К. М. Салтыков, Н. Г. Чернышевский и др.), так и новые публикации (С. А. Макашин, Г. А. Шестопалова, С. Ф. Дмитренко, Е. Н. Строганова). Проводятся параллели с дореволюционными исследователями и публицистами, учеными советского времени и современными литературоведами, полемизирующими о феномене писателя как яркого представителя русской реалистической школы второй половины XIX века. Говорится о наследии Н. В. Гоголя и «мистификациях» Салтыкова-Щедрина как предтече новых направлений в литературе начала XX века. Наблюдения и обобщения автора статьи помогут также раскрыть некоторые детали биографии писателя, получившие отражение в творчестве, освежат в памяти такие черты мастера слова, как афористичность, иносказательность, пародия на официальное делопроизводство, политическая сатира, автобиографичность и т. д. Работа написана в жанре историко-литературного эссе, в котором представлен опыт личного восприятия творчества Салтыкова-Щедрина, философско-эстетический и филологический анализ литературной деятельности писателя, рецепция его образа в XXI веке.

Ключевые слова: М. Е. Салтыков-Щедрин, реализм, сатира, эстетика слова, историко-литературная традиция, критика, общественная мысль, психология личности, филология и культура, образ писателя.

Для цитирования: Никитин О. В. М. Е. Салтыкову-Щедрину — 200 лет. Историко-литературные и лингвистические реминисценции // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2026. № 1 (90). С. 84–90. DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.008.

Original article

200 years since M. Y. Saltykov-Shchedrin's birth. Historical, literary and linguistic reminiscences

Oleg V. Nikitin

Federal State University of Education, Moscow, Russia
olnikitin@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the personality of the outstanding Russian writer M. Y. Saltykov-Shchedrin (1826–1889) in the context of our historical, cultural and philological traditions. It emphasizes the ambiguous attitude of society and critics to the evaluation of his works, which have preserved their great resonance. It is noted that many of his fictional characters have become personifications of negative phenomena. His ruthless satire, mastery of character portrayal, special verbal aesthetics, excellent knowledge of administrative nomenclature and its language allowed the writer to create literary masterpieces that surpassed his time. Historical, literary and linguistic reminiscences touch upon the *pro et contra* issues in Shchedrin's work and allow us to re-interpret the controversial problems of perception of the writer's art and his unique "Aesopian" manner of portraying reality. The work uses both classical works and memoirs about M. Y. Saltykov-Shchedrin (by N. V. Uspensky, I. I. Yasinsky, K. M. Saltykov, N. G. Chernyshevsky, et al.) and recent publications (S. A. Makashin, G. A. Shestopalova, S. F. Dmitrenko, E. N. Stroganova). Parallels are drawn with other pre-revolutionary researchers and publicists, Soviet scholars and modern literary critics who debate the phenomenon of the writer as a prominent representative of the Russian realistic school of the second half of the 19th century. The paper discusses the legacy of N. V. Gogol and Shchedrin's "hoaxes" that foreshadowed new trends in literature in early 20th century. The observations and generalizations of the author will also help to reveal some details of M. Y. Saltykov-Shchedrin's biography and refresh the memory of such features of the artist as aphorism, allegory, parody of official office documents, political satire, autobiography, etc. The paper is written in the genre of a historical and literary essay, which presents the experience of personal perception of M. Y. Saltykov-Shchedrin's work, philosophical, aesthetic and philological analysis of his works, and the reception of his image in the 21st century.

Keywords: M. Y. Saltykov-Shchedrin, realism, satire, literary aesthetics, historical and literary tradition, criticism, social thinking, individual psychology, philology and culture, writer's image.

For citation: Nikitin O. V. 200 years since M. Y. Saltykov-Shchedrin's birth. Historical, literary and linguistic reminiscences. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*, 2026; 1 (90):84–90. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2026.90.1.008.

...я один из самых старинных и неизменных поклонников Вашего таланта...
Вы отмежевали себе в нашей словесности целую область,
в которой Вы неоспоримый мастер и первый человек.
Из письма И. С. Тургенева М. Е. Салтыкову, 9 (21) апреля 1873 года
[Тургенев, 2000, с. 132]

Введение

В 2026 году исполнилось 200 лет со дня рождения выдающегося русского писателя и публициста М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889). Его имя вписано не только в историю литературных течений XIX века. Он был «ревизором» власти и в этой своей ипостаси завоевал большую известность. Живой мир неподдельных щедринских образов стал приметой противоречивой эпохи. Менялись времена, уходили одни традиции, им на смену возникали новые. К М. Е. Салтыкову-Щедрину никто не относился равнодушно ни тогда, когда он покорял всех своим мастерством художественного перевоплощения, ни позже, в советский период. Вот как писала о нем М. С. Горячкина в 1952 году: «Можно с уверенностью сказать, что ни одно произведение Салтыкова-Щедрина не устарело, не отошло в прошлое. Великая Октябрьская социалистическая революция начисто смела в России социальный строй, гневному разоблачению которого Щедрин посвятил свою жизнь, она уничтожила прототипов сатирических щедринских образов, но этот строй и эти прототипы живут и здравствуют в капиталистической Америке и в буржуазных странах Западной Европы» [Горячкина, 1952, с. 3]. Несколько поколений выросло на этой идеологии «критики» и «разоблачений». Каждый автор привносил свое...

М. Е. Салтыкова-Щедрина никогда не забывали. Но в то же время всегда побаивались и немного сторонились его реалистичной сатиры. В чем заключается феномен М. Е. Салтыкова-Щедрина в русской культуре? Почему он нужен нам сейчас? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в статье-размышлении. 200 лет — это тот исторический задел для любой великой личности, который позволяет нам заглянуть в прошлое и увидеть настоящее удивительного таланта, время которого, как нам кажется, еще не пришло.

Основная часть

В последние десятилетия в филологическом сообществе становится модной тема “pro et contra” для оценки личности и творчества русских писателей, философов, общественных деятелей. Наследие М. Е. Салтыкова-Щедрина в этом отношении не исключение по нескольким причинам: его называли «памятником обличения российского самодержавия», «вершиной русской мысли», совершенным в своей художественной силе правды писателем [см.: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013]. Не утихали споры и о его личности: «Михаил Евграфович был чрезвычайно мягким, добрым и глубоко симпатичным человеком, хотя почему-то многие считали его человеком грубым, несправедливым и даже эксплуатировавшим своих сотрудников. Напротив, он всеми силами поддерживал начинающих писателей, раз только замечал в их произведениях хоть проблески таланта или дарования» [цит. по: Там же, с. 56], — говорил о нем Н. В. Успенский.

Эпизоды биографии писателя раскрывают его с разных сторон, и прежде всего — как своеобразную личность, характерную, искреннюю, откликавшуюся, казалось бы, в том числе и на самые незаметные проблемы. С ними и мы сталкиваемся на каждом шагу и часто проходим мимо. Один из таких эпизодов описал Н. В. Успенский:

«Однажды М. Е. добродушно посмеивался над гимназией, в которой училась его дочь, директором которой состоял покойный А. Я. Герд, беседовавший в это время с Щедриным.

— Какие у них темы для сочинений даются! — говорил М. Е., кивая на Герда. — Просто уму непостижимо! Не угодно ли, например, написать сочинение “О пустыне и море”? Да ни одна из учениц не видела отродясь никакой пустыни, а вместо моря видела только Маркизову лужу (устье Невы), — вот и сочиняй. А то не угодно ли описать Аничков мост! Получив эту тему, ученицы целого класса явились на Аничков мост изучать его для сочинения и только городских, стоявших на мосту, в крайнее смущение ввели. Я даже сам попробовал написать сочинение для Вашего учителя, — заключил М. Е., обращаясь к Герду, — и ничего, слава Богу, получил за свое сочинение тройку!..» [цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013, с. 57].

В «Литературных воспоминаниях» И. И. Ясинского снова поднимался вопрос о «грубости» М. Е. Салтыкова-Щедрина, каким он казался многим, и его побаивались. Но такая нелюбимая черта его характера была подтверждением того, как нужно относиться к работе, к бесконечно досаждавшим его «талантам», у которых, возможно, не было понятия о том, что такое этикет и каким должен быть писатель. И. И. Ясинский приводил любопытный сюжет: «О нем говорили, что он грубый человек. Но, по всей вероятности, дома он был другим. Он подшучивал над некоторыми сотрудниками своими и сотрудницами, хотя в шутках его не слышалось ничего злобного. “Вот роман — одна дама привезла на тачке”, — со смехом сказал он как-то, указывая на стопу бумаги. “Я ужасно боюсь больших романов”, — продолжал он и засмеялся. “У нас есть романист, который имеет привычку водить журналы шесть месяцев на веревочке — проденет кольцо в ноздрю и водит. Не знаем, куда бы его сплавить. Таланты должны быть пропорциональных размеров, а это ужасно, когда голова маленькая, а хвост стосаженный”» [цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013, с. 62]. Показательны реплики Салтыкова-Щедрина в адрес таких «писателей» и его словесные комментарии. В них-то и видна духовная суть мастера, его благоволение к авторам. Вот каким его описывал в таких ситуациях И. И. Ясинский: «Если ему не нравилась какая-нибудь моя повесть, он точно так же не церемонился и говорил: “плохо”, “слабо”, но без того оттенка грубости, который мог бы обидеть. Он сейчас же появлялся: “Всё же слабо не до такой степени, чтобы нельзя было напечатать”. “Если же будет совсем слабая повестушка, мы с вами ее разорвем и бросим под стол. В денежном отношении это вас не поставит в затруднение, потому что деньги я вам все-таки выдам; лишь бы только вы с слабыми вещами не шли в другие журналы. Ну да авось этого не случится”» [цит. по: Там же, с. 63].

Интересны наблюдения сына писателя над окружением Салтыкова-Щедрина. В его кругу было много знаменитых деятелей того времени. О Н. А. Некрасове Салтыков писал, что его отец «не очень-то его жаловал. Причиной этому было пристрастие Н. А. к игре в карты, причем у поэта игра велась азартная, к нему шел “на огонек” кто хотел, и понятно, что среди гостей встречались люди с довольно сомнительной репутацией, вследствие чего на квартире Некрасова нередко происходили очень прискорбные сцены из-за допускаявшихся некоторыми из игроков нечестных приемов» [цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013, с. 65]. В то же время портрет Некрасова очень колоритен и показывает его и с другой стороны. Описание облика поэта превращается почти в живописное полотно, и нам открываются совсем другие качества: «Некрасов, всегда одетый с иголочки, в узких клетчатых брюках, коротеньком пиджачке, с галстуком (так в тексте. — О. Н.), небрежно завязанном а-ля бабочка, приезжал к нам довольно часто, говорил комплименты маме, трепал меня и сестру рукой в замшевой перчатке по голове, а затем особенной, качающейся походкой отправлялся в папин кабинет, где усаживался, заложив ногу на ногу, в позу, которую он, вероятно, считал модной и грациозной, вынимал из бокового кармана пиджачка серебряный портсигар, из которого извлекал сигару, и, зажигая ее, пускался в разговор с отцом. Нас просили тогда вон из кабинета» [цит. по: Там же, с. 65–66].

Эти характеристики “pro et contra” можно продолжать бесконечно долго. Писатели и критики то «съедали» Салтыкова-Щедрина, то восхваляли, называя его последователем Гоголя. Например, Н. Г. Чернышевский так высказывался об одном из произведений: «Из “Губернских очерков” и других подобных им произведений нашей литературы, начиная с Гоголя, очень многие выносят убеждение, что Россия населена чудовищами, имеющими только наружность человека, но лишенными всех качеств человеческой души, всякого понятия о добре и правде». И дальше продолжал: «Такой взгляд на людей, изображаемых Гоголем и его последователями, внушается негодованием, источник которого, конечно, благороден. Но тем не менее надобно сказать, что подобный взгляд поверхностен, что если мы внимательнее всмотримся в большинство людей, выводимых Гоголем и его последователями, то должны будем отказаться от слишком строго приговора против этих людей» [цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013, с. 173–174]. А. В. Амфитеатов охарактеризовал «Губернские очерки» «грозной исповедью российской обывательщины» и ценил писателя за его исключительность, называя его «одною из самых оригинальных и интересных величин» [цит. по: Там же, с. 498, 497].

В голосе противоречивых критиков Салтыкова-Щедрина уже в наше время звучат иные интонации: уходят в сторону прежняя «субъективность» и социальное упрощенчество художественной манеры писателя. Приходят другие смыслы и заставляют нас смотреть на его творчество сквозь призму *духовной истории страны*. Известный исследователь С. А. Макашин справедливо замечал, что Щедрин как *явление* — «это прежде всего великий художественный суд...», это «могучая проповедь передовых общественных идеалов, зажигающая сердца, указывавшая цели в жизни...», это «громадный и единственный в своей необыкновенности художественный мир образов и картин русской жизни...» [цит. по: Салтыков-Щедрин и русская литература, 1991, с. 6]. Симптоматично, что расцвет творчества Салтыкова-Щедрина приходится на время социокультурных перемен, слома ценностей и норм, рождения новых институтов власти и иного ментального облика страны. Его произведения как отражение исторического времени, своего рода «меч мысли» есть протест против глупостей и трагедий жизни, «находящейся “под игмом безумия”» [цит. по: Там же, с. 7].

Отсюда еще один важный тезис для осмысления щедринского творчества: писатель смотрел на литературу не как на эстетическое искусство или сатиру в самом узком понимании этого слова — он проникал в художественное пространство как *служитель общества*, и в этом видел свою основную миссию. С. А. Макашин верно подметил, что «иногда, казалось, он приносил в жертву этой идее свой огромный художественный талант. Но сила и пафос его публицистического пера обычно не только не наносили ущерба художественности его произведений, но идейно углубляли и возвышали их» [цит. по: Салтыков-Щедрин и русская литература, 1991, с. 7].

О языке Салтыкова-Щедрина сказано немало [см., напр.: Ефимов, 1953]. И в последнее время интерес к этой ипостаси его дарования вновь привлекает внимание исследователей [см.: Никитин, 2026]. Не повторяя сказанного, стоит подчеркнуть, что писатель обладал очень широким диапазоном охвата социолектов. В этом отношении с ним может быть соразмерен Н. С. Лесков, также

придававший огромное значение сказовому языку и наделявший своих персонажей говорящими фамилиями и типичными для их статуса словами и оборотами речи. У М. Е. Салтыкова-Щедрина мы встретим целую стилистическую систему пародии на приказные тексты (исторические, деловые, административные, духовные и т. д.). Он был мастером выражения «помещичьего» языка, лексикона аристократии, «катковской» и «суворинской» публицистики [цит. по: Салтыков-Щедрин и русская литература, 1991, с. 15]. Показателен в этом отношении небольшой словарь «Семантические фразеологические образования обличительно-сатирического свойства», в котором собраны синтагмы, оксюмороны и другие средства художественной выразительности — целая галерея образов языка: *авторитет мыльного пузыря, административная баня / белиберда / блевотина, галиматья / ерундистика / затрещина, азбучнообразованный умник, алчущая мысль, апатический недоросль* и мн. др. [см.: Знакомьтесь: М. Е. Салтыков-Щедрин, 2011, с. 74–75]. Придуманые им образцы словесной метафоры перешли физическое время жизни писателя и стали узнаваемы далеко за пределами художественных текстов, например: *благоглупости, государственные младенцы, мягкотелый интеллигент, доктринеры бараньего рога ежовых рукавиц, камни невежества, плавно-пустопорожня речь, административные поцелуи, административный восторг* и мн. др. Этот эзопов язык как совокупность смысловых, культурно-исторических, синтаксических, фразеологических элементов речи придавал особый «двузначный» колорит произведениям писателя и составлял основу неподражаемой щедринской поэтики [см.: Шестопалова, 2014]. Известный специалист по творчеству М. Е. Салтыкова-Щедрина, посвятивший отдельную главу такой необычной манере бытописания, подмечал: «Иносказательная манера Щедрина иногда вводила цензоров в заблуждение, вызывала с их стороны “промахи”» [цит. по: Бушмин, 1987, с. 228].

Говоря о М. Е. Салтыкове-Щедрине, нельзя не отметить и такую стихию в его творчестве, о которой у нас писали недостаточно полно. В его произведениях за обличительным пафосом мастера часто скрывается другая сторона писательского дара. М. Е. Салтыков-Щедрин — тонкий живописец бытовой и городской культуры. Архитектурный пейзаж Санкт-Петербурга, эстетика «скрытого» идеала, поэтическое начало в его произведениях вроде идут фоном, но приближают нас к пониманию истинного чувства, показывают не только «темный флер» «сатирического старца» (выражение Ф. М. Достоевского), но и светлые краски жизни. Такие эпизоды невелики, но они есть в очерках «За рубежом», например, и в других сочинениях этого талантливого наблюдателя действительности.

Современные исследователи видят в М. Е. Салтыкове-Щедрине не просто фигуру «нескончаемого эзопства», а мастера, который «писал драму человеческого духа» [цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013, с. 887], усматривают в его творчестве черты новых литературных направлений и «моделей» — «от интеллектуалистских до постмодернистских» [цит. по: Там же], говорят о его «литературной свободе» и призывают ученых следовать заветам писателя, научиться его понимать и читать. Справедливы слова С. Ф. Дмитренко: «Это чувство свободы необходимо перенять его исследователям, преодолеть инерцию идеологизированного подхода к наследию писателя — в пользу *этико-эстетического*. Если мы решимся быть смелыми и просто читать произведения Салтыкова-Щедрина как художественные, нас ожидает множество удивительных открытий. А также мы обнаружим, что все это у Салтыкова-Щедрина мы уже улавливали, только не признавались себе в том, что это у него есть» (курсив наш. — О. Н.) [цит. по: Там же].

Заключение

Облик М. Е. Салтыкова-Щедрина в восприятии критиков и читателей на протяжении двухсотлетней истории его биографии был разным. Он оставался неудобным для своего времени и был порицаем позже. Показательны слова молодого А. П. Чехова о М. Е. Салтыкове-Щедрине, которые своей пронзительностью высветили положение писателя в обществе: «Обличать умеет каждый газетчик <...> но открыто презирать умел один только Салтыков. Две трети читателей не любили его, но верили ему все. Никто не сомневался в искренности его презрения» [цит. по: Салтыков-Щедрин и русская литература, 1991, с. 24]. Его нещадно эксплуатировали в ранний советский период как глашатая сатиры («Демократический роман-хроника “Господа Головлевы”» [см.: Горячкина, 1952, с. 115]), чей меч был направлен против царизма и устоев старой власти. Да и сейчас М. Е. Салтыкову-Щедрину нелегко: он — неудобный автор, слишком правдивы его

метафоры и очевидны сопоставления, в которых можно усмотреть «крамолу». «И чем иным, как не желанием деактуализировать, архаизировать наследие писателя, объясняется та неохота, с которой финансируются щедринские проекты?! В частности, до сих пор — документ на этот счет был принят к 150-летию русского гения — не восстановлена родовая усадьба Салтыковых в Спас-Угле (север Московской области), ни в Москве, ни в Санкт-Петербурге нет музеев писателя, не обеспечено издание библиографии щедриноведения...» [цит. по: М. Е. Салтыков-Щедрин ... , 2013, с. 8]. Эти строки написаны более десяти лет тому назад. Но едва ли что изменилось! Правда, наконец вышел энциклопедический словарь [см.: М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники, 2021].

И все равно писатель живет — парит над миром человеческих страстей и не боится осуждения. Он — «неоспоримый мастер и первый человек». Эти тургеневские слова обеспечивают Салтыкову-Щедрину вечную славу правдолюбца, исследователя душ и мастера «эзопова» языка. Равных ему не было в то время. Нет их и сейчас. Он и в XXI веке остается недосягаем и красив в своей удивительной эстетике слова и мысли, особом психологизме прозы и сказочном реализме. Это вершина так и останется не покоренной никем.

Список источников

1. Бушмин А. С. Художественный мир Салтыкова-Щедрина / отв. ред. Д. С. Лихачев, В. Н. Баскаков. — Л. : Наука, 1987. — 366 с.
2. Горячкина М. С. М. Е. Салтыков-Щедрин : пособие для учителей ср. шк. — М. : Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1952. — 200 с.
3. Ефимов А. И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. — 496 с.
4. Знакомьтесь: М. Е. Салтыков-Щедрин / авт.-сост. : П. П. Барашев, Е. П. Демина, Г. Б. Прончев. — М. : ИНФРА-М, 2011. — 378 с.
5. М. Е. Салтыков-Щедрин и его современники : энцикл. слов. / сост., ред. Е. Н. Строганова. — СПб. : Росток, 2021. — 514 с.
6. М. Е. Салтыков-Щедрин: pro et contra : антол. — СПб. : РХГА, 2013. — Кн. 1. — 1008 с.
7. Никитин О. В. Стилизация делового языка в художественных текстах М. Е. Салтыкова-Щедрина (к 200-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. — 2026. — Т. 87, № 2. — С. 65–74.
8. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. : сочинения : в 12 т. : письма : в 18 т. — М. : Наука, 2000. — Т. 12. — 506 с.
9. Салтыков-Щедрин и русская литература : сб. ст. / отв. ред. В. Н. Баскаков, В. В. Прозоров. — Л. : Наука, 1991. — 315 с.
10. Шестопалова Г. А. Афоризмы М. Е. Салтыкова-Щедрина : моногр. — М. : ИИУ МГОУ, 2014. — 176 с.

References

1. Bushmin A. S. *Khudozhestvennyy mir Saltykova-Shchedrina* [The artistic world of Saltykov-Shchedrin]. Ed. by D. S. Likhachev, V. N. Baskakov. Leningrad, Nauka Publ., 1987, 366 p. (In Russian)
2. Goryachkina M. S. *M. Ye. Saltykov-Shchedrin: posobiye dlya uchiteley sr. shk.* [M. Y. Saltykov-Shchedrin: a guide for secondary school teachers]. Moscow, State educational Publ. of the RSFSR Ministry of Education, 1952, 200 p. (In Russian)
3. Efimov A. I. *Yazyk satiry Saltykova-Shchedrina* [The language of Saltykov-Shchedrin's satire]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1953, 496 p. (In Russian)
4. *Znakomtes: M. E. Saltykov-Shchedrin* [Meet M. Y. Saltykov-Shchedrin]. Authors and comp.: P. P. Barashev, E. P. Demina, G. B. Pronchev. Moscow, INFRA-M Publ., 2011, 378 p. (In Russian)
5. *M. E. Saltykov-Shchedrin i ego sovremenniki: entsikl. slov.* [M. Y. Saltykov-Shchedrin and his contemporaries: encyclopedic dictionary]. Comp. and ed. by E. N. Stroganova. St. Petersburg, Rostok Publ., 2021, 514 p. (In Russian)
6. *M. E. Saltykov-Shchedrin: pro et contra: antol.* [M. Y. Saltykov-Shchedrin: pro et contra: anthology]. St. Petersburg, RKhGA Publ., 2013, bk. 1, 1008 p. (In Russian)
7. Nikitin O. V. Stylization of business language in the fictional texts of M. E. Saltykov-Shchedrin (on the 200th anniversary of his birth). *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school]. 2026, vol. 87, iss. 2, pp. 65–74. (In Russian)
8. Turgenev I. S. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 t.: Sochineniya: v 12 t.; pisma: v 18 t.* [Complete works and letters: in 30 volumes: Works: in 12 vols.; letters: in 18 vols.]. Moscow, Nauka Publ., 2000, vol. 12, 506 p. (In Russian)

9. *Saltykov-Shchedrin i russkaya literatura: sb. st.* [Saltykov-Shchedrin and Russian literature: collection of articles]. Ed. by V. N. Baskakov, V. V. Prozorov. Leningrad, Nauka Publ., 1991, 315 p. (In Russian)

10. Shestopalova G. A. *Aforizmy M. E. Saltykova-Shchedrina: monogr.* [M. Y. Saltykov-Shchedrin's aphorisms: monograph]. Moscow, IIU MGOU Publ., 2014, 176 p. (In Russian)

Информация об авторе

Никитин Олег Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры славистики, общего языкознания и культуры коммуникации Государственного университета просвещения.

Сфера научных интересов: история науки, общее языкознание, славистика, лексикография, текстология, памятники древнерусской письменной культуры, филологическая критика, духовные сочинения.

Information about the author

Nikitin Oleg Viktorovich — doctor of philology, professor, professor at the department of slavistics, general linguistics and culture of communication, Federal State University of Education.

Research interests: history of science, general linguistics, Slavic studies, lexicography, textology, Old Russian written culture, philological critics, spiritual works.

Статья поступила в редакцию 14.10.2025; принята к публикации 12.01.2026.

The article was submitted 14.10.2025; accepted for publication 12.01.2026.